

Ольга Безрукова, Валентина Самойлова, Ксения Широкова

РОДИТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОTCОВ В ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЬЯХ

Статья посвящена анализу родительского потенциала приемных отцов и факторов, определяющих их вовлеченность в воспитание детей в замещающих семьях. Эмпирическую основу исследования составили материалы фокус-групп со специалистами, работающими с приемными семьями, и глубинных интервью с приемными матерями, проведенных в Санкт-Петербурге в 2024 г. Теоретико-методологическая рамка включает концепцию родительского потенциала, подходы к профессионализации замещающего родительства, теорию социального капитала и исследования маскулинности. На основе анализа эмпирических данных выделены четыре типа отцовства — партнерский, функциональный, традиционный и пассивный, различающиеся степенью вовлеченности, характером взаимодействия с ребенком и способами реализации родительской роли. Показано, что родительский потенциал отцов носит неоднородный характер и реализуется по-разному в зависимости от сочетания индивидуальных ресурсов, семейной динамики и институциональных условий. Особое внимание уделено анализу барьеров вовлеченности отцов, среди которых выделены гендерные нормы, ограниченная способность к эмоциональной рефлексии, посредническая роль матерей и несоответствие существующих форматов социальной поддержки мужским моделям взаимодействия. Показано, что низкая и неравномерная включенность отцов в практики сопровождения обусловлены

Ольга Николаевна Безрукова — к.социол.н., доцент, и.о. заведующей кафедрой социологии молодежи и молодежной политики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: o.bezrukova@spbu.ru

Валентина Алексеевна Самойлова — к.психол.н., доцент, кафедра теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: v.samojlova@spbu.ru

Ксения Павловна Широкова — магистр социальной работы, мл.н.с., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: Ksess@yandex.ru

не только индивидуальными установками, но и институциональным дизайном системы поддержки. Результаты исследования свидетельствуют о необходимости перехода от универсальных моделей социальной помощи к дифференцированным подходам, учитывающим типологические различия отцовства и специфику мужского участия в родительстве. Статья вносит вклад в изучение гендерных аспектов социальной политики и практик поддержки замещающих семей.

Ключевые слова: замещающая семья, приемное отцовство, родительский потенциал, социальная политика, маскулинность

Цитирование: Безрукова О. Н., Самойлова В. А., Широкова К. П. (2026) Родительский потенциал отцов в замещающих семьях. *Журнал исследований социальной политики*, 24 (2): 259–278.

DOI: 10.17323/727-0634-2026-24-2-259-278

Активная государственная политика, направленная на поддержку детей, оставшихся без попечения родителей, позволила за последнее десятилетие сократить численность воспитанников сиротских учреждений на 66 % (Geneva.mid.ru 2024). Однако к настоящему времени потенциал экстенсивного роста замещающих семей, по-видимому, исчерпан: динамика семейного устройства стабилизировалась, а количество детей, передаваемых в семьи, лишь незначительно превышает число вновь выявляемых. В 2021–2024 гг. разрыв составлял 4–5 %. На этом фоне сохраняется и приобретает все большую значимость обратный процесс — возврат детей из семей в детский дом (Министерство просвещения РФ 2025). По имеющимся оценкам, ежегодно фиксируется около пяти тыс. вторичных отказов, при этом их доля постепенно увеличивается и достигает почти 8 % от числа детей, устроенных в замещающие семьи (Попова, Шкурлова 2024).

Деинституционализация сиротства рассматривается как ключевое направление социальной политики современной России, предполагающее не только сокращение числа детей в учреждениях, но и перестройку всей системы поддержки в сторону профилактики сиротства и индивидуализации форм семейного устройства (Ярская-Смирнова и др. 2015: 160). Существенную роль в этом процессе играют институциональные механизмы сопровождения замещающих семей, включая подготовку родителей и развитие инфраструктуры поддержки (Постановление Правительства 2014; Альшанская и др. 2017). В дальнейшем в статье понятия «приемная» и «замещающая» семья используются как синонимы: несмотря на их различие в нормативно-правовом смысле, в исследовательской и практической традиции они нередко применяются как взаимозаменяемые для обозначения различных форм семейного устройства детей, не связанных с родителями биологическим родством.

В последние годы в нормативных документах усиливается внимание к вовлеченному отцовству (Правительство Санкт-Петербурга 2012; Прави-

тельство РФ 2014; Указ... 2021). Однако, несмотря на декларируемые изменения, система поддержки по-прежнему в значительной степени ориентирована на матерей и воспроизводит традиционное распределение родительских ролей. Недостаток программ, адресованных мужчинам, отражает не только социокультурные установки, но и институциональный гендерный перекос в социальной политике (Липасова 2015).

Сложная динамика устройства и адаптации детей в замещающих семьях усиливает интерес к приемной семье как социальному институту, в котором значимую, но недостаточно изученную роль играет отец. Тема приемного отцовства в современном научном поле остается слабо разработанной. Это связано как с ограниченной доступностью исследуемой группы, обусловленной, в частности, практикой сохранения тайны усыновления, так и с устойчивым восприятием матерей в качестве основных субъектов заботы о детях. Несмотря на то, что большинство замещающих семей являются полными, отцы значительно реже оказываются в фокусе исследований и практик социальной поддержки. Как показывают обзоры литературы, даже при включении отцов в выборки результаты интерпретируются преимущественно через призму материнства и редко приводят к формулированию рекомендаций, адресованных мужчинам (Ethie, Harty 2022). Аналогичная тенденция характерна и для сферы социальной поддержки, ориентированной преимущественно на матерей, что ограничивает доступ отцов к ресурсам и снижает их вовлеченность в воспитание приемных детей (Malette et al. 2021).

Несмотря на ограниченное внимание к отцам в исследованиях и практике, их вклад в функционирование замещающей семьи является принципиально значимым. Участие отца связано с более устойчивыми супружескими отношениями, снижением родительского стресса и повышением удовлетворенности родительской ролью (Mancinelli et al. 2021). В то же время современное отцовство претерпевает изменения, смещаясь от традиционных моделей к более вовлеченным и заботливым формам, ориентированным на эмоциональное взаимодействие с ребенком и его потребности (Newstone 2000; Doucet 2006; Riggs et al. 2010; Heslop 2019).

В этом контексте особое значение приобретает анализ родительского потенциала приемных отцов как совокупности ресурсов и ограничений их вовлеченности в воспитание ребенка. Несмотря на признание значимости участия отца в жизни замещающей семьи, данная проблематика в российской исследовательской повестке остается недостаточно разработанной (Безрукова, Голубь 2012; Мигунова 2020).

Цель статьи — проанализировать родительский потенциал приемных отцов и определить, как его особенности связаны с практиками социальной поддержки. В рамках исследования рассматриваются представления специалистов и приемных матерей об отцах, выделяются ресурсы и ограничения их вовлеченности в воспитание ребенка, а также анализируются формы поддержки. Предполагается, что уровень родительского потенциала

связан с тем, насколько мужчина принимает родительскую роль, насколько конструктивна его мотивация и развиты родительские навыки, а также с тем, как он понимает специфику замещающего отцовства.

Теоретическая рамка

Анализ приемного отцовства в работе строится вокруг понятия родительского потенциала, под которым понимается совокупность ресурсов родителя (потребностей, готовности, способностей), определяющих успешность выполнения родительской роли (Безрукова, Самойлова 2017). Специфика родительского потенциала приемных отцов рассматривается через двойственную природу замещающего родительства. С одной стороны, оно включает элементы профессиональной деятельности (Багирова, Шубат 2014), ориентированной на результат и эффективность воспитания, с другой — предполагает эмоциональную вовлеченность, выстраивание отношений с ребенком и участие в повседневных практиках заботы (Егорова, Мыкалова 2023). Это сочетание задает внутренние противоречия и во многом определяет вариативность отцовских практик.

Для более точного анализа вовлеченности отцов в воспитание применяется концепция социального капитала, позволяющая рассматривать отцовство как процесс передачи ресурсов, реализуемый в устойчивых и доверительных отношениях между родителем и ребенком (Бурдье 2002; Коулман 2001:132), в полной мере раскрывающихся только в устойчивых доверительных отношениях. В этом контексте родительский потенциал проявляется не только в индивидуальных характеристиках отца, но и в качестве семейных взаимодействий и степени включенности в них. Дополнительное объяснительное значение имеют подходы, анализирующие маскулинность. Они позволяют интерпретировать трудности принятия родительской роли, ограничения эмоциональной вовлеченности и нежелание обращаться за поддержкой как следствие устойчивых гендерных норм и ожиданий (Кон 2009). Вовлеченность отцов в этом случае рассматривается как результат взаимодействия личностных установок, семейной динамики и институциональных условий, включая доступность и формат социальной поддержки (Рождественская 2020; Безрукова, Самойлова 2024). С этим связано и значение гомосоциальных форм взаимодействия, в рамках которых мужчины получают возможность обсуждать опыт отцовства и получать поддержку в однородной среде (Kimmel, Messner 2009). Такие формы могут выступать важным ресурсом формирования и реализации родительского потенциала.

Таким образом, предложенная теоретическая рамка позволяет рассматривать родительский потенциал приемных отцов как совокупность ресурсов и ограничений их вовлеченности, формирующихся на пересечении индивидуальных характеристик, семейных взаимодействий и институциональных условий. В дальнейшем анализ будет строиться вокруг

трех взаимосвязанных измерений: ресурсного потенциала отцов, ограничений и барьеров его реализации, а также механизмов вовлеченности в воспитание детей, включая формы социальной поддержки и повседневные практики отцовства. Такое разграничение позволяет выявить и описать устойчивые модели отцовского участия.

Методология исследования

Эмпирическую основу статьи составляют материалы двух фокус-групп со специалистами и полуструктурированных интервью с приемными матерями, собранные в мае–октябре 2024 г. в Санкт-Петербурге. Такой дизайн позволяет сопоставить профессиональные интерпретации и повседневный опыт замещающего родительства. В фокус-группах приняли участие 11 специалистов, работающих с приемными семьями. Это специалисты по социальной работе, психологи, руководители профильных организаций, сотрудники органа опеки, имеющие не менее пяти лет профессионального опыта. Дополнительно проведено интервью с руководителем центра социальной помощи семье и детям. В исследовании также приняли участие 15 матерей в возрасте от 38 до 55 лет, воспитывающих приемных детей совместно с супругом. Большинство информанток имеют опыт воспитания как кровных, так и приемных детей. Критерием включения был стаж воспитания приемного ребенка не менее года. Информанты набирались через государственные и негосударственные центры социальной помощи семье и детям.

Интервью направлены на реконструкцию представлений о роли приемного отца, особенностях его вовлеченности в воспитание ребенка, распределении обязанностей в семье, возникающих трудностях и опыте обращения за социальной поддержкой. Анализ данных включал транскрибирование интервью и их последующее тематическое кодирование. Оно носило преимущественно индуктивный характер, с последующим соотнесением выделенных категорий с теоретическими понятиями, используемыми в исследовании. На основе кодов сформированы укрупненные тематические категории, позволившие выделить типы вовлеченности отцов, ресурсы и ограничения их родительского потенциала. Достоверность интерпретации обеспечивалась за счет методологической и исследовательской триангуляции, включая сопоставление данных, полученных от разных групп информантов.

Ограничением данного этапа исследования является отсутствие прямых интервью с приемными отцами: анализ основан на восприятии их роли со стороны матерей и специалистов. Это смещает фокус в сторону внешней оценки отцовства и требует осторожности в интерпретации субъективных характеристик, однако позволяет выявить устойчивые представления и практики, формирующиеся в системе взаимодействия семьи и институциональной поддержки. На следующем этапе планируется

анализ интервью с отцами, что позволит сопоставить позиции разных акторов, а также уточнить и дополнить полученные выводы.

Характеристики родительского потенциала отцов

Анализ материалов интервью и фокус-групп показывает, что приемные отцы в целом обладают выраженным родительским потенциалом, который проявляется в устойчивой ориентации на семью, ответственности за ее благополучие и готовности включаться в воспитание детей. Матери и специалисты сходятся в оценке отцов как надежных, вовлеченных и ориентированных на долгосрочные семейные отношения: *«Этот мужчина никогда не бросит своих детей — не отвернется и не уйдет. Он всегда у них будет. Я спокойно могу детей с ним оставить и уехать в командировку. Могу на него положиться»* (м., 55 л., трое детей., 1 пр.)¹. Вместе с тем этот потенциал реализуется неоднородно. Различия касаются прежде всего характера вовлеченности: от эмоционально включенного и партнерского участия до формального выполнения обязанностей или дистанцированной позиции. Эти различия позволяют говорить об устойчивых моделях отцовства, которые структурируют практики взаимодействия с детьми и способы использования доступных ресурсов. На основе анализа эмпирических данных можно выделить четыре типа приемного отцовства: партнерский, функциональный, традиционный и пассивный. Эти типы различаются по степени вовлеченности, характеру взаимодействия с ребенком и способам реализации родительского потенциала.

Партнерский отец

Партнерский тип отцовства характеризуется высокой степенью вовлеченности, эмоциональной близостью и ориентацией на сотрудничество в семье. В данном случае родительский потенциал реализуется через устойчивые и доверительные отношения с ребенком, в которых формируется и передается социальный капитал семьи. Одновременно этот тип отражает отход от традиционных моделей маскулинности, основанных на дистанции и доминировании, в пользу более гибких и вовлеченных практик отцовства.

Для партнерских отцов участие в жизни ребенка не сводится к выполнению обязанностей, а становится значимой частью повседневных отношений, включающей как практики заботы, так и эмоциональное взаимодействие. Они активно включены в воспитание, стремятся понимать потребности ребенка и выстраивать с ним устойчивый контакт, что способствует формированию доверительных отношений в семье. Эмоциональная включенность проявляется не только в декларативной любви

¹ Здесь и далее приемная мать — м., приемный ребенок — пр.

к детям, но и в готовности проводить с ними время, разделять повседневные активности и поддерживать их в различных жизненных ситуациях: *«Мне нравится его взаимодействие с ребенком. Он помогает и в бытовых вопросах: записаться к врачу, напомнит, я не держу в голове все эти прививки, хорошо с ним поиграет, интересные вещи до него донесет»* (м., 38 л., 1 пр.) Значимым элементом партнерского отцовства является ориентация на сотрудничество с супругой и гибкое распределение родительских ролей. В таких семьях отцы не ограничиваются вспомогательной функцией, а готовы брать на себя значительную часть повседневных обязанностей, включая ситуации, требующие полной замены матери в заботе о детях: *«Если жена попадет в больницу, папа будет выполнять все обязанности. Будет готовить, водить в садик, будет замещать, делать и спать укладывать»* (м., 40 л., четверо детей, 2 пр.)

Описанные характеристики позволяют рассматривать партнерский тип отцовства как модель с выраженным ресурсным потенциалом. Он основан на сформированной отцовской идентичности, высокой ценности семьи и детей, эмоциональной вовлеченности и способности выстраивать устойчивые отношения с ребенком, а также на партнерской модели взаимодействия с супругой, выражающейся в гибком распределении родительских ролей и активном участии в повседневных практиках заботы. В совокупности эти характеристики обеспечивают высокий уровень включенности отца в воспитание и устойчивость семейных взаимодействий.

При этом высокий уровень эмоциональной вовлеченности и ориентация на поддерживающие отношения могут сопровождаться рядом ограничений. Наиболее типичными являются чрезмерная мягкость, размытые границы во взаимодействии с ребенком и склонность к попустительству. Стремление сохранить эмоциональный контакт и избежать конфликтов иногда приводит к снижению требовательности и затрудняет выстраивание устойчивых правил и дисциплины: *«Папа очень мягкий. С ее характером нужно быть более жестким. А он нет, с ней все упусти, мне: "Ты понимаешь, что она пережила?"»* (м., 46 л., двое детей, 1 пр.). *«У нашего папы все хорошо, все нормально, все наладится. Если кто-то себя плохо ведет, ничего страшного»* (м., 41 г., 2 пр.).

Функциональный отец

Функциональный тип отцовства соотносится с «профессиональной» моделью родительства, в которой акцент делается на результативности и выполнении родительской роли. В этом случае родительский потенциал реализуется прежде всего через действия и выполнение обязанностей, тогда как эмоциональная составляющая отцовства оказывается менее выраженной. Социальный капитал семьи при этом формируется, но реализуется не в полной мере из-за ограниченности эмоционального взаимодействия. Одновременно данный тип частично воспроизводит элементы

традиционной маскулинности, предполагающие сдержанность в выражении чувств и ориентацию на функциональное выполнение обязанностей.

Для таких отцов участие в воспитании носит преимущественно практический характер: они включены в решение повседневных задач, обеспечивают стабильность и порядок, но не всегда стремятся к эмоциональному контакту с ребенком. Их вклад часто воспринимается как «невидимый», но необходимый, поскольку связан с обеспечением функционирования семьи: *«Самый большой плюс, что он просто нас обеспечивает, мы можем жить на то, что он делает»* (м., 38 л., 1 пр.). Рациональный подход к воспитанию проявляется в стремлении действовать эффективно и «правильно», опираясь на здравый смысл и накопленный жизненный опыт. Такие отцы, как правило, обладают устойчивыми социальными и профессиональными позициями, что усиливает их роль как опоры семьи и источника ресурсов.

Описанные характеристики позволяют рассматривать функциональный тип как модель с выраженным инструментальным ресурсом. Он основан на ответственности, надежности, способности принимать решения и обеспечивать стабильность семейной жизни. Вместе с тем этот потенциал реализуется преимущественно на уровне действий, тогда как эмоциональная составляющая родительства оказывается менее выраженной.

Ограничения данного типа связаны прежде всего с эмоциональной дистанцией и ограниченной глубиной взаимодействия с ребенком. Недостаток эмпатии и слабая ориентация на коммуникацию могут затруднять формирование доверительных отношений, особенно в ситуациях, требующих эмоциональной поддержки.

Традиционный отец (контролирующий)

Традиционный тип отцовства напрямую соотносится с нормативными моделями маскулинности, в которых отцовская роль определяется через контроль, власть и ответственность за поддержание порядка в семье. В этом случае родительский потенциал реализуется преимущественно через управление и дисциплинарные практики, тогда как эмоциональная составляющая взаимодействия с ребенком оказывается ограниченной. Социальный капитал формируется, но в меньшей степени основан на доверии и близости, а в большей — на иерархии и подчинении.

Для таких отцов участие в воспитании выражается прежде всего в установлении правил, контроле поведения и требовательности к детям. Контроль выступает основной формой включенности в семейную жизнь и способом реализации отцовской роли: *«У него все должно быть под контролем. Или звонит, на видео: "Ты где? Быстро!" Четырнадцатилетнему сыну: Я... Я... Контроль у него бешеный»* (м., 40 л., четверо детей, 2 пр.). Ориентация на дисциплину и «правильное» поведение сочетается с высокой степенью ответственности и включенности в управление семейной жизнью. Такие

отцы стремятся задавать рамки и обеспечивать соблюдение правил, что может восприниматься как важный элемент воспитательного процесса.

В таком варианте отцовства ключевым ресурсом выступает способность устанавливать правила и поддерживать дисциплину, обеспечивая управляемость семейной жизни. Ориентация на контроль и требовательность позволяет задавать четкие рамки поведения и поддерживать порядок, однако реализуется преимущественно через иерархические формы взаимодействия, что ограничивает развитие доверительных отношений с ребенком.

Ограничения данного типа связаны с гиперконтролем, жесткостью в коммуникации и недостатком эмоционального контакта. Взаимодействие с ребенком может сопровождаться резкими реакциями и недостаточной готовностью к объяснению и обсуждению, что усиливает напряженность в общении: *«Иногда просто рявкнет: "Нет, нельзя!". Вместо того, чтобы как-то объяснить, он жестче действует. Не всегда обоснованно. Он на него гаркнет или что-нибудь такое скажет»* (м., 38 л., 1 пр.).

Пассивный отец

Пассивный тип отцовства характеризуется дистанцированностью и передачей основной ответственности за воспитание ребенка матери. В данном случае родительский потенциал реализуется минимально: участие отца ограничивается формальным присутствием в семье и согласием на принятие ребенка, тогда как инициатива и повседневная забота сосредоточены на стороне супруги. Социальный капитал практически не формируется в рамках отношений «отец — ребенок», а отцовская идентичность остается слабо выраженной.

Для таких отцов характерна вовлеченность через супругу: они не препятствуют принятию ребенка в семью, но и не занимают активной позиции в процессе воспитания. Их участие носит опосредованный характер и часто ограничивается выполнением отдельных функций или поддержкой решений матери. Подобная позиция может восприниматься как нейтральная или даже приемлемая на этапе создания семьи, однако в дальнейшем приводит к смещению всей нагрузки на одного родителя.

Поведенческий паттерн пассивного отцовства проявляется в минимальном участии в воспитании и уходе от ответственности за взаимодействие с ребенком. Это особенно заметно в ситуациях, требующих включенности и инициативы: *«Зачастую конфликты в школе разгребать — это я, он не заморачивается. У нас папа только требует, чтобы они куда-то ходили, но при этом ничего не делает. Мама должна организовать досуг, записать, за ручку оттащить туда, а папа может оплатить это все»* (м., 42 г., двое детей, 1 пр.).

Ограничения данного типа связаны с низкой вовлеченностью, эмоциональной дистанцией и отсутствием инициативы в построении отношений с ребенком. Перекладывание родительских функций на мать снижает качество

взаимодействия и препятствует формированию устойчивых связей. Наибольшие риски связаны с личностной незрелостью и неспособностью брать на себя ответственность за другого человека. В ряде случаев это сопровождается эгоцентризмом и отсутствием понимания самой сути родительства:

Он добрый, всех любит, принял дочку сразу и совершенно спокойно, сказал: «Да, пожалуйста». Но есть доля инфантилизма, когда ответственность нести человек не готов. Он замкнут на своих интересах, сейчас это дочка уже чувствует. Играет в то, что ему интересно, идет туда, куда ему интересно. Он просто не понимает сути заботы, вкладывания, что такое строить отношения. Для меня это не отцовство. Любовь, она есть, но нет основной функции» (м., 50 л., 1 пр.).

В крайних проявлениях пассивного типа возможны трудности с принятием ребенка и формированием эмоциональной близости, что дополнительно снижает потенциал отцовского участия: *«...и сейчас ребенок пахнет моим ребенком и мне доставляет это удовольствие, а мужу этот запах кажется чужим, и он пока не справляется с этим, не чувствует своей»* (м., 40 л., 1 пр.).

Поддержка приемных отцов в развитии родительского потенциала

Анализ данных фокус-групп показывает, что вовлеченность приемных отцов определяется не только их индивидуальными характеристиками, но и институциональными условиями системы поддержки, в рамках которой формируются возможности и ограничения отцовского участия. Практики социальной помощи, включая обучение, консультирование и групповые форматы, одновременно выступают механизмами включения отцов в воспитание и воспроизводят барьеры, связанные с гендерными нормами и ожиданиями. В результате уровень и характер вовлеченности отцов оказываются зависимыми не только от их мотивации и ресурсов, но и от того, насколько предлагаемые формы поддержки соответствуют мужским моделям взаимодействия и представлениям о родительской роли.

Механизмы вовлечения

Вовлеченность приемных отцов формируется прежде всего через институционализированные практики обучения и сопровождения, которые задают рамки освоения родительской роли. Ключевым механизмом выступает обучение в школе приемных родителей (ШПР), где происходит не только передача знаний, но и переосмысление отцами своей роли, формирование базовой компетентности и запуск процессов личностного изменения. По наблюдениям специалистов прохождение ШПР способствует повышению осознанности и ответственности, а также расширяет репертуар взаимодействия с ребенком:

Приемное отцовство от кровного отличается фактом прохождения ШПР. И если отец потенциальный выжил, не сбежал, выдержал все переговоры с психологом, прочитал заключение и не получил инфаркт и не бросил эту супругу, то он уже большой молодец и умница. Он начинает использовать другую лексику, он начинает читать книжки, у него появляется какой-то минимальный психологический инструментарий в голове (П., с.р. 39 л.).

Вовлеченность отцов усиливается и через постепенное включение в практики взаимодействия со специалистами. Хотя на ранних этапах участие носит обязательный характер, в дальнейшем оно становится добровольным и зависит от возникновения конкретных проблем и готовности к обращению за помощью. При этом наблюдается постепенное, хотя и ограниченное, расширение участия отцов в таких практиках: *«Отцы появляются, что-то говорят, обращаются за помощью. Их единицы, но они уже есть»* (СР, с.р. 20 лет).

Дополнительным механизмом вовлечения выступают групповые и образовательные форматы, ориентированные на обсуждение конкретных практических вопросов. Для отцов значимыми оказываются темы, связанные с повседневными трудностями воспитания и взаимодействия с детьми, которые позволяют им соотнести собственный опыт с опытом других родителей: *«Они спрашивают: "Как мне научиться быть отцом этому ребенку?"»* (П, с.р. 19 л.).

Барьеры отцовского потенциала

Ограниченная вовлеченность приемных отцов обусловлена совокупностью устойчивых барьеров, связанных с гендерными нормами и институциональными особенностями системы сопровождения. Ключевым фактором выступает нормативное представление о маскулинности, в рамках которого обращение за помощью воспринимается как признак слабости и неспособности самостоятельно справиться с проблемами. По наблюдениям специалистов, мужчины значительно реже инициируют обращение за профессиональной поддержкой и чаще занимают дистанцированную позицию, даже при наличии объективных трудностей: *«Очень редкий зверь на этом поле психологическом, чтобы сам пришел один мужчина по поводу детей. Обычно у него проблем нет: "Это у нее загоны, или ребенка почините, у меня отлично все"»* (ПП, с.р. 18 л.).

Нежелание обращаться за помощью усиливается страхом утраты статуса и необходимостью признания собственной некомпетентности, что противоречит ожиданиям, связанным с мужской ролью: *«Очень сложно признать мужчине, что он не справился, и обратиться за помощью. Мы же воспитывали мужиков мужикастых, и все ждут, что он сам точно должен все порешать, а не получается»* (С, с.р. 15 л.). Дополнительным барьером выступает недоверие к специалистам, особенно в ситуациях, когда помощь

оказывают женщины. В этом случае взаимодействие осложняется восприятием профессиональной поддержки как угрозы мужскому авторитету:

Подобно другим ситуациям, если человек переживает опыт тяжелый, травму, и это мужчина, то работать с трепетной женщиной в кабинете он не будет, ему смешно вообще. Для него работает признание, что он нормальный социумом в целом, что «Слушай, парень, у тебя все нормально, это сейчас так, это пройдет и это закончится» (П, с.р. 39 л.).

Мужчины, особенно с патриархальным подходом, часто не очень хотят слышать женщину: «Что вы тетки меня учите. У меня такой пацан, мужика рашу, и если я ему леща отвесил, то это между нами, мужицкие разговоры». А если бы здесь был мужчина, у него больше был авторитет. Потому что он бы сказал: «Я кроме того, что специалист, я еще и мужик». Какие-то вещи мужчина услышит лучше» (ПП, с.р. 18 л.).

Значительная часть барьеров связана с особенностями организации самой поддержки, в рамках которой взаимодействие с семьей чаще осуществляется через матерей. Такая модель снижает прямую включенность отцов и закрепляет их вторичную позицию в вопросах воспитания и обращения за помощью. Установки матерей также могут выступать барьером. В ряде случаев они воспроизводят традиционные представления о мужской роли и ограничивают возможности включения отцов в практики поддержки. В таких представлениях мужчина должен справляться с трудностями самостоятельно, без обращения за внешней помощью, что делает участие в программах сопровождения избыточным или даже нежелательным: «*Оказать помощь папам невозможно, если они этого не хотят принять, поэтому бессмысленно все. И если мужчина нормальный, ему ничего не надо: он сам себе сделает и помощь, и семье, и детям. Помогать мужикам вообще не надо*» (м., 55 л., 3 пр.)

Значительным барьером выступает также недостаточная сформированность навыков эмоциональной рефлексии и коммуникации у мужчин. Отцы не только реже обращаются за поддержкой, но и часто не артикулируют возникающие трудности как проблему, требующую внешнего вмешательства. Ограниченный эмоциональный репертуар и затруднения в выражении чувств снижают вероятность обращения за помощью и делают саму идею профессиональной поддержки менее очевидной: «*Не особо открытый. Он с трудом облекает свои чувства в слова, да и чувства у него — маленький диапазон. Поэтому трудно из него что-то вытащить*» (м., 35 л., двое детей, 1 пр.).

Несоответствие форматов поддержки

Анализ данных фокус-групп показывает, что значительная часть барьеров вовлечения приемных отцов связана с несоответствием форматов социальной поддержки мужским моделям взаимодействия и восприятия помощи. Несмотря на формальную доступность консультаций, образовательных про-

грамм и групповой работы, предлагаемые формы участия нередко ориентированы на коммуникативные и рефлексивные практики, более характерные для женщин, что снижает их привлекательность для мужчин.

По наблюдениям специалистов, мужчины в большей степени ориентированы на конкретные, практико-ориентированные формы взаимодействия и ожидают от поддержки четких решений и алгоритмов действий: *"Расскажите инструкции, что мне сделать, чтобы это закончилось, или не началось". Это больше ситуативная история «как мне ее решить сейчас».* Мужчины более прагматично подходят *«Дайте мне скрипт, гайд, чтобы раз, два, три, получить четыре»* (П, с. р. 5 л.). При этом преобладающие форматы работы (обсуждение, рефлексия, групповая коммуникация) не всегда соответствуют этим ожиданиям, что приводит к снижению вовлеченности мужчин: *«Мужчинам важнее деятельностные вещи, а их нет. Не про поговорить, а поделать. То, что предлагается, это формат женской деятельности. Сейчас часть мужчин просто отсеивается»* (Р, с. р. 20 л.).

В ответ на это специалисты отмечают необходимость развития альтернативных форматов поддержки, учитывающих особенности мужского взаимодействия, включая деятельностные и групповые практики, основанные на совместной активности и обмене опытом: *«Ему нужны мужские клубы, где делают простые мужские дела: гаражный кооператив в свое время был прекрасным, работало великолепно. Рыбалка, футбол, выездной туризм, вместе, путь героя для пап»* (П, с. р. 39 л.).

Связь типологии отцов с практиками социальной поддержки

Вовлеченность отцов в практики социальной поддержки различается в зависимости от типа отцовства, что делает универсальные форматы работы ограниченно эффективными. Различия касаются как готовности к обращению за помощью, так и предпочтительных форм взаимодействия со специалистами.

Партнерский тип отцовства характеризуется наибольшей открытостью к профессиональной поддержке: такие отцы ориентированы на развитие коммуникации с ребенком, рефлексии собственного опыта и готовы включаться в консультативные и групповые форматы. Для них значимыми оказываются обсуждение сложных случаев и обмен опытом с другими родителями. Функциональные и традиционные отцы в меньшей степени ориентированы на рефлексивные формы работы и чаще воспринимают поддержку как источник конкретных знаний и практических решений. Их вовлеченность повышается в тех случаях, когда предлагаемые форматы имеют выраженную прикладную направленность и связаны с решением актуальных задач воспитания. При этом ориентация на контроль и результат может ограничивать их готовность к обсуждению эмоциональных аспектов взаимодействия с ребенком. Традиционные отцы, ориентированные на контроль, дисциплину и поддержание иерархии в семье, могут

проявлять интерес к образовательным форматам, связанным с вопросами воспитания и формирования «правильного» поведения, но критически воспринимают формы работы, которые ставят под сомнение их авторитет или родительские стратегии. Пассивный тип отцовства характеризуется наименьшей вовлеченностью в систему поддержки. Участие таких отцов, как правило, опосредовано через супругу, а собственная инициатива в обращении за помощью практически отсутствует. В этих случаях более эффективными оказываются семейно-ориентированные формы работы, предполагающие включение отца через совместные практики и взаимодействие с другими членами семьи.

Таким образом, различия в моделях отцовства определяют не только характер взаимодействия с ребенком, но и способы включения в систему социальной поддержки. Это указывает на необходимость дифференцированного подхода к работе с отцами, учитывающего разнообразие моделей их участия и адаптирующего форматы помощи к их специфике.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что родительский потенциал приемных отцов не является однородным и реализуется в различных моделях отцовства, отличающихся степенью вовлеченности, характером взаимодействия с ребенком и способами использования доступных ресурсов. Выделенная типология (партнерский, функциональный, традиционный и пассивный типы) позволяет рассматривать отцовство не как фиксированную роль, а как спектр практик, формирующихся на пересечении индивидуальных характеристик, семейной динамики и институциональных условий. Полученные результаты уточняют представление о родительском потенциале приемных отцов. С одной стороны, значительная часть мужчин демонстрирует высокий уровень ответственности, включенности и ориентации на семью, что свидетельствует о наличии важного ресурсного основания для вовлеченного отцовства. С другой стороны, выявленные ограничения (дефициты эмоциональной и коммуникативной компетентности, противоречия в принятии родительской роли, а также склонность к дистанцированным или контролирующим моделям взаимодействия) указывают на неоднородность этого потенциала и сложности его реализации.

Основным результатом исследования является выявление институциональной обусловленности отцовской вовлеченности. Низкая и неравномерная включенность мужчин в практики социальной поддержки объясняется не только индивидуальными установками, но и особенностями самой системы сопровождения, которая в значительной степени ориентирована на матерей и не учитывает специфики мужских моделей взаимодействия. Барьеры участия формируются на пересечении гендерных норм, ограниченной готовности мужчин к эмоциональной рефлексии,

посреднической роли матерей и несоответствия предлагаемых форматов поддержки запросам отцов.

Анализ показывает, что эффективность социальной поддержки во многом зависит от ее способности учитывать различия между типами отцов. Партнерские отцы более открыты к рефлексивным и консультативным форматам, функциональные и традиционные — к прикладным и результат-ориентированным формам, тогда как включение пассивных отцов требует опосредованных и семейно-ориентированных практик. Это свидетельствует о необходимости перехода от универсальных моделей сопровождения к дифференцированному подходу, адаптированному к различным стратегиям отцовского участия. В более широком контексте результаты исследования указывают на ограниченность политики поддержки родительства, воспроизводящей гендерный перекоп и недостаточно учитывающей роль отца в замещающей семье. Развитие программ, ориентированных на вовлечение мужчин, требует не только расширения их доступности, но и переосмысления форматов работы с учетом особенностей мужской социализации, коммуникации и участия в заботе о детях.

Список сокращений

П — психолог;
ПП — педагог-психолог;
СР — социальный работник;
Р — руководитель;
с.р. — стаж работы.

Выражение признательности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00770, <https://rscf.ru/project/23-18-00770/>

Благодарим рецензентов за содержательные замечания, способствовавшие более глубокому раскрытию темы.

Редакция благодарит программу «Университетское партнерство» за поддержку и возможность опубликовать данную статью.

Материалы для анализа

Geneva.mid.ru (2024) *Вступительное слово заместителя Министра труда и социальной защиты РФ А. В. Вовченко о выполнении положений Конвенции о правах ребенка*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/3TMjNx> (дата обращения: 15 августа 2025).

Правительство РФ (2014) *Концепция государственной семейной политики в России на период до 2025 года*, № 1618-р от 25.08.2014.

Правительство Санкт-Петербурга (2012) *Концепция семейной политики в Санкт-Петербурге на 2012–2022 годы*, № 695 от 10.07.2012.

Министерство просвещения РФ (2025) *Поддержка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/3TMjX6> (дата обращения: 15 августа 2025).

Постановление Правительства РФ (2014) *О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей*, № 481 от 24.05.2014.

Указ Президента РФ (2021) *О Дне отца*, от № 573 от 04.10.

Список источников

Альшанская Е., Гарифулина Э., Гезалов А., Рахманова Г. (2017) Новый этап развития российской системы устройства детей-сирот: Постановление Правительства № 481 глазами экспертов. *Журнал исследований социальной политики*, 15 (3): 453–464.

Багирова А. П., Шубат О. М. (2014) Образ родительства и его развитие в концепции родительского труда. *Социологические исследования*, (4): 103–110.

Безрукова А. Н., Голубь О. В. (2012) Теоретико-эмпирический анализ роли отца в приемных семьях. *Приволжский научный вестник*, 10 (14): 84–90.

Безрукова О., Самойлова В. (2024) Как поддерживать отцов и семьи, воспитывающих детей с инвалидностью? *Журнал исследований социальной политики*, 22 (2): 299–318.

Безрукова О. Н., Самойлова В. А. (2017) Потенциал успешного родительства в приемных семьях. *Социологические исследования*, (11): 111–121.

Бурдые П. (2002) Формы капитала. *Экономическая социология*, 3 (5): 65–71.

Егорова Н. Ю., Мыкалова Е. Е. (2023) Профессионализация замещающего родительства в России: характеристики, возможности, перспективы. *Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки*, (2): 47–61.

Кон И. С. (2009) *Мужчина в меняющемся мире*. М.: Время.

Коулман Дж. (2001) Капитал социальный и человеческий. *Общественные науки и современность*, (3): 121–139.

Липасова А. Н. (2015) Свобода, равенство и отцовство: опыт скандинавских стран. Рецензия на книгу: *Fatherhood in the Nordic Welfare States*. Edited by Gudny Bjork Eydal and Tine Rostgaard/ Bristol: Policy Press. *Журнал исследований социальной политики*, 13 (2): 345–356.

Мигунова А. В. (2020) Приемное отцовство: участие в решении о принятии ребенка в семью на воспитание. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, 3 (59): 140–147.

Попова А. В., Шкурова Н. С. (2024) Воздействия практики социально-психологического сопровождения на устойчивость замещающих семей. *Журнал исследований социальной политики*, 22 (4): 607–626

Рождественская Е. Ю. (2020) Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (5): 155–185.

Ярская-Смирнова Е.Р., Присяжнюк Д. И., Вербилович О. Е. (2015) Приемная семья в России: публичный дискурс и мнения ключевых акторов. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 18 (4):157–173.

Doucet A. (2006) *Do Men Mother? Fathering, Care, and Domestic Responsibility*. Toronto, Ontario, Canada: University of Toronto Press.

Ethier K.L., Harty J. S. (2022) Fatherhood in Foster Care: A Scoping Review Spanning 30 Years of Research on Expectant and Parenting Fathers in State Care. *Child and Adolescent Social Work Journal*, (39): 693–710.

Heslop P. (2019) Foster Fathers Performing Gender: The Negotiation and Reproduction of Parenting Roles in Families Who Foster. *Journal of Family Social Work*, 22 (4–5): 352–368.

Kimmel M., Messner M. (eds.) (2009) *Men's Lives*. N.Y.: Macmillan/Maxwell.

Malette J., Richardson E., Futris T. (2021) Foster Father Identity: a Theoretical Frame Work. *Journal of Family Theory and Review*, 13 (3): 300–316.

Mancinelli E., Dell’Arciprete G., Salcuni S. (2021) A Systematic Review on Foster Parents’ Psychological Adjustment and Parenting Style-an Evaluation of Foster Parents and Foster Children Variables. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18 (20): 10916.

Newstone S. (2000) Male Foster Carers: What Do we Mean by ‘Role Models’? *Adoption and Fostering*, (24): 36–47.

Riggs D. W., Delfabbro P. H., Augoustinos M. (2010) Foster Fathers and Carework: Engaging Alternate Models of Parenting. *A Journal of Theory Research and Practice about Men as Fathers*, 8 (1): 24–36.

FATHERS' PARENTAL POTENTIAL IN FOSTER FAMILIES

This article examines the parental potential of foster fathers and the factors that influence their involvement in childcare within foster families. The empirical basis of the study consists of focus group data collected from professionals working with foster families, as well as in-depth interviews conducted with foster mothers in St. Petersburg in 2024. The theoretical and methodological framework draws on the concept of parental potential, approaches to the professionalisation of foster parenting, social capital theory and studies of masculinity. The empirical analysis identified four types of fatherhood are (partner, functional, traditional, and passive), which differ in terms of their levels of involvement, patterns of interaction with the child and modes of role performance. The findings demonstrate that the parental potential of foster fathers is heterogeneous and is realised differently depending on the interplay of individual resources, family dynamics and institutional conditions. Particular attention is paid to the barriers to fathers' involvement, including gender norms, limited capacity for emotional reflection, the mediating role of mothers, and the mismatch between existing support formats and male modes of engagement. The study shows that the low and uneven participation of fathers in support practices is not only due to individual attitudes, but also to the institutional design of the support system. The results highlight the need to move from universal models of social support towards differentiated approaches that consider typological differences in fatherhood and the specifics of male engagement in parenting. This article makes a valuable contribution to the study of the gendered aspects of social policy and support practices for foster families.

Keywords: foster family, foster fatherhood, parental potential, social policy; masculinity

Citation: Bezrukova O., Samoylova V., Shirokova K. (2026) Roditel'skiy potentsial ottsov v zameshchayushchikh sem'yakh [Fathers' Parental Potential in Foster Families]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 24 (2): 259–278.

DOI: 10.17323/727-0634-2026-24-2-259-278

Olga Bezrukova — Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Acting Head of the Department of Youth Sociology and, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation. Email: o.bezrukova@spbu.ru

Valentina Samoylova — Cand. Sci. (Psychol.), Assoc. Prof., Department of Theory and Practice of Social Work, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation. Email: v.samoylova@spbu.ru

Ksenia Shirokova — Master of Social Work, Junior Researcher, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation. Email: Ksess@yandex.ru

References

- Alshanskaya E., Garifulina E., Gezalov A., Rakhmanova G. (2017) Novy'j e'tap razvitiya rossijskoj sistemy' ustrojstva detej-sirot: Postanovlenie Pravitel'stva № 481 glazami e'kspertov [A New Stage in the Development of the Russian System for the Placement of Orphans: Government Decree No. 481 in Expert Opinions]. *Zhurnal issledovaniisotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 15 (3): 453–464.
- Bagirova A. P., Shubat O. M. (2014) Obraz roditel'stvai i ego razvitie v koncepcii roditel'skogo truda [Image of Parenthood and its Development in Theory of Parental Labor]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], (4): 103–110.
- Bezrukova A. N., Golub O. V. (2012) Teoretiko-empiricheskiy analiz roli ottsa v priemnykh sem'yakh. [Theoretical and Empirical Analysis of the Father's Role in Foster Families] *Privolzhskij nauchny'j vestnik* [Privolzhsky Scientific Journal], 10 (14): 84–90.
- Bezrukova O., Samoylova V. (2024) Kak podderzivat' otczov i sem'i, vospityvayushchikh detej s invalidnost'yu? [How to Support Fathers and Families Raising Children with Disabilities]. *Zhurnal issledovaniisotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 22 (2): 299–318.
- Bezrukova O. N., Samoilova V. A. (2017) Potencial uspehnogo roditel'stva v priemny'kh sem'yakh [The Potential of Successful Parenting in Foster Families]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], (11): 111–121.
- Bourdieu P. (2002) Formy kapitala [The Forms of Capital]. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology], 3 (5): 65–71.
- Coleman J. (2001) Kapital social'ny'j i chelovecheskiy [Capital, Social and Human]. *Obshchestvenny'e nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], (3): 121–139.
- Doucet A. (2006) *Do Men Mother? Fathering, Care, and Domestic Responsibility*. Toronto, Ontario, Canada: University of Toronto Press.
- Egorova N. Yu., Mykalova E. E. (2023) Professionalizaciya zameshchayushchego roditel'stva v Rossii: karakteristiki, vozmozhnosti, perspektivy [Professionalization of Substitute Parenting in Russia: Characteristics, Opportunities, Prospects]. *Vestnik PNIPU. Social'no-e'konomicheskie nauki* [PNRPU Sociology and Economics Bulletin], (2): 47–61.
- Ethier K.L., Harty J. S. (2022) Fatherhood in Foster Care: A Scoping Review Spanning 30 Years of Research on Expectant and Parenting Fathers in State Care. *Child and Adolescent Social Work Journal*, (39): 693–710.
- Heslop P. (2019) Foster Fathers Performing Gender: The Negotiation and Reproduction of Parenting Roles in Families Who Foster. *Journal of Family Social Work*, 22 (4–5): 352–368.
- Kimmel M., Messner M. (eds.) (2009) *Men's Lives*. N.Y.: Macmillan/Maxwell.
- Kon I. S. (2009) *Man in the Changing World*. Moscow: Vremya Publ.
- Lipasova A. (2015) Svoboda, ravenstvo i otczovstvo: opy't skandinavskikh stran [Freedom, equality and fatherhood: Scandinavian experience]. Book review: Fatherhood in the Nordic Welfare States. Edited by Gudny Bjork Eydal and Tine Rostgaard/ Bristol: Policy Press. 2015. 409 P. ISBN 978–1–44731–047–1. *Zhurnal issledovaniisotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 13 (2): 345–356.

Malette J., Richardson E., Futris T. (2021) Foster Father Identity: a Theoretical Frame Work. *Journal of Family Theory and Review*, 13 (3): 300–316.

Mancinelli E., Dell’Arciprete G., Salcuni S. (2021) A Systematic Review on Foster Parents’ Psychological Adjustment and Parenting Style—an Evaluation of Foster Parents and Foster Children Variables. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18 (20): 10916.

Migunova A. V. (2020) Priemnoe otsovtvo: uchastie v reshenii o prinyatii rebyonka v sem’-yu na vospitanie. [Foster Fatherhood: Participation in the Decision to Adopt a Child]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social’ny’e nauki* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences], 3 (59): 140–147.

Newstone S. (2000) Male Foster Carers: What Do we Mean by ‘Role Models’? *Adoption and Fostering*, (24): 36–47.

Popova A., Shkurova N. (2024) Vozdeystviya praktiki sotsial’nopsikhologicheskogo so-provozhdeniya na ustoychivost’ zameshchayushchikh semey [Impacts of Socio-Psychological Support Practices on the Stability of Foster Families]. *Zhurnal issledovaniy sotsial’noipolitiki* [The Journal of Social Policy Studies], 22 (4): 607–626.

Riggs D. W., Delfabbro P. H., Augoustinos M. (2010) Foster Fathers and Carework: Engaging Alternate Models of Parenting. *A Journal of Theory Research and Practice about Men as Fathers*, 8 (1): 24–36.

Rozhdestvenskaya E. Y. (2020) Vovlechennoe otsovtvo, zabotlivaya maskulinnost’ [Involved Fatherhood, Caring Masculinity]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], (5): 155–185.

Yarskaya-Smirnova E. R., Prisyazhnyuk D. I., Verbilovich O. E. (2015) Priemnaya sem’ya v Rossii: publichnyy diskurs i mneniya klyuchevykh aktorov [Foster Family in Russia: Public Discourse and Opinions of Key Actors]. *Zhurnal sotsiologii isotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 18 (4): 157–173.